

Религиоведение. 2023. № 2. С. 147–155.
Religiovedenie [Study of Religion], 2023. No. 2. P. 147–155.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_147

Савчук Р.А.

*Издательский совет Русской Православной Церкви
119435, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 20/3, стр. 2
russ_sav@mail.ru*

Этос украинской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х годов (по материалам журнала «Человек и мир»)

Аннотация. Предметом настоящей публикации является исследование особенностей системы ценностей, профессиональной этики, общественной позиции украинской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х годов. Актуальность темы определяется значительным влиянием общественных процессов конца 1980-х – начала 1990-х годов на формирование современных взаимоотношений общества и религиозных организаций на Украине. Основу методологии составляют историко-системный анализ, структурный и типологический методы. Новизна исследования определяется как недостаточным освещением проблемы в историографии, так и практическим значением полученных результатов при анализе современной общественно-политической ситуации в соседнем государстве. Обосновываются выводы о восприятии научного атеизма его украинскими апологетами как универсальной «духовной ценности», которая представлялась единственно возможной общественной опорой для нравственности в условиях развития науки. Особое значение имел пафос защиты народа от идеологического и духовного порабощения, от попыток подорвать добытые тяжёлым трудом народа культурные и общественные устои. Научному атеизму приписывалось глубокое гуманистическое содержание. В условиях беспрецедентных общественных трансформаций в среде украинской атеистической интеллигенции формируется представление о её особой ответственности за судьбу страны, идея её уникальной «мессианской роли».

Ключевые слова: Украинская ССР, этос, научный атеизм, религия, ценности, христианство, перестройка

Ruslan A. Savchuk

*Publishing Council of the Russian Orthodox Church
build. 2, 20/3 Pogodinskaya str., Moscow, 119435, Russia
russ_sav@mail.ru*

The Ethos of the Ukrainian Atheistic Intelligentsia of the Second Half of the 1980s (Based on the Materials of the Journal “Man and the World”)

Abstract. The subject of the publication is the study of the features of the value system, professional ethics, and the public position of representatives of the Ukrainian atheistic intelligentsia of the second half of the 1980s. The relevance of the topic is determined by the significant influence of social processes of the late 1980s – early 1990s on the formation of modern relations between society and religious organizations in Ukraine. The methodology is based on historical and system analysis, structural and typological methods. The novelty of the research is determined both by the insufficient coverage of the problem in historiography and by the practical significance of the results obtained in analyzing the current socio-political situation in a neighboring state. The conclusions about the perception of scientific atheism by its Ukrainian apologists as a universal “spiritual value”, which seemed to be the only possible social support for morality in the conditions of the development of science, are substantiated. Of particular importance was the pathos of protecting the people from ideological and spiritual enslavement, from attempts to undermine the cultural and social foundations obtained by the hard work of the people. Scientific atheism was given a deep humanistic content. In the context of unprecedented social transformations among the Ukrainian atheistic intelligentsia, the idea of its special responsibility for the fate of the country, the idea of its unique “messianic role” is being formed.

Key words: Ukrainian SSR, ethos, scientific atheism, religion, values, Christianity, perestroika

Введение

Актуальность. Религиозная жизнь современного Украинского государства является сферой, где влияние общественных процессов конца 1980-х – начала 1990-х годов ощущается особенно остро. Изменения, связанные с развитием гласности и демократизацией, привели к «возвращению» религии в общественную жизнь. Национальная интеллигенция, воспитанная в традициях научного атеизма, во второй половине 1980-х годов начала активно вырабатывать внутреннюю мировоззренческую позицию относительно присутствия религии в светском обществе. В дальнейшем именно внутренний кодекс норм, ценностей атеистической интеллигенции, её отношения к наиболее значимым проблемам, который мы объединяем под общим понятием этос, сыграли ключевую роль в формировании мировоззренческих подходов к осмыслению религиозного прошлого и настоящего Украины и, впоследствии, выбора дальнейшего пути развития церковно-общественных отношений уже после провозглашения независимости. Журнал «Человек и мир» в советское время был рупором атеистической интеллигенции, а с сентября 1990 г. стал главным религиоведческим журналом Украины. Таким образом, материалы данного издания наиболее точно передают мировоззренческие настроения позднесоветских украинских атеистов и соответствующие их изменения в связи с общественными трансформациями.

Историография. Общие черты советского религиоведения и отношения к религии в обществе второй половины 1980-х гг. рассматривались в разных контекстах в современной отечественной и зарубежной историографии [Элбакян, 2011, 141; Наука, 2015; Колмакова, 2017; Колодный, Филипович, Яроцкий, 2010], [Смолкин, 2021]. Собственно украинское измерение «возвращения» религии в общественно-политическое пространство позднесоветского периода активно осмысливается религиоведами и учёными современной Украины в связи с возрастающей поляризацией общества соседнего государства в религиозном вопросе после событий 2014 г. [Бокоч, 2021, 2]. Среди исследований современных украинских авторов в контексте проблемы общественного измерения бытия религии в конце 1980-х гг. особый интерес представляют работы О. Киселева [Кисельов, 2016, 43] и Е. Панич [Панич, 2015, 21]. Последняя, в частности, выделяет основные черты научного атеизма как культурной системы. Авторы издания, посвящённого юбилею П.Ю. Сауха, указывали, что концептуальные основы полесской научной школы «Философия и феноменология религии» оформились ещё в начале 1980-х гг. и с того времени благодаря деятельности коллег и воспитанников юбиляра религиоведческие исследования проблем «науки и религиозной картины мира, разделения веры и разума, онтологии религии, места религий в процессах глобализации мира» проходили в намеченном ещё во второй половине 1980-х гг. русле [Поліський Сократ, 2015, 13]. В целом украинские академические религиоведы декларируют в качестве основополагающих принципов «объективность, мировоззренческий плюрализм, внеконфессиональность, историзм, открытость, системность» [Колодный, 2015, 5]. Однако фактически в контексте осмысления истории и настоящего государственной политики в религиозной сфере Украины идёт активный процесс обоснования «политического значения движения украинского православия к независимости», абсолютно положительного «религиозно-церковного, внутри- и внешнеполитического значения создания Православной церкви Украины и получения ею автокефалии, которые стали следствием длительной борьбы и победы проукраинских религиозных и политических сил над русскими и пророссийскими», разделение религиозных организаций по признаку их отношения «к Майдану как масштабному общественно-политическому протесту народа против власти» и «евроинтеграции» [Бокоч, 2021, 6]. В настоящем исследовании показано, как формировалась особая нравственно-этическая система украинской атеистической интеллигенции, позволившая в дальнейшем активно использовать религию в качестве инструмента государственной политики.

Пафос защиты народа

Одним из главных нравственных стержней позднесоветского атеизма вполне обосновано можно считать идею защиты простого народа, его образа жизни от разных форм клерикализма. Для украинской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х гг. «не политический клерикализм <...>, а светский характер поли-

тики, культуры, народного быта, мышления, секуляризм и атеизм стали неотъемлемыми атрибутами цивилизации, общественного бытия и обыденного сознания сотен миллионов европейцев» [Яроцкий, 1986, 31]. Это были не просто характеристики общественно-политической ситуации в конкретный исторический момент, а цивилизационные устои, освящённые пусть и не столь глубокой, но всё же исторически сложившейся традицией, омытые народной кровью. Защита атеистического мировоззрения, советской идеологии перед «буржуазной» идеологией представлялась не как защита идей, а в большей мере как защита ценностей простого народа – солидарности, свободы, прогресса, ответственности. Отсюда, по замечанию В. Танчера, следовала та «нетерпимость», к которой «вынуждали» «буржуазные» нападки на социалистические принципы интернационализма [Танчер, 1985, 25].

В публикациях, касающихся исторического прошлого страны, весьма часто приводились пассажи о неприятии простым народом вначале христианства, а затем и клерикализма в целом, делался акцент на «кровавых столкновениях на религиозной почве» и «борьбе населения против религии и клерикализма, развитию свободомыслия и атеизма» [Кралюк, 1985, 32]. Именно «близость к простому народу» разного рода религиозных вольнодумцев, распространение их взглядов среди низших слоёв общества, отображение в их сочинениях «идеологических взглядов угнетённых слоёв общества», по мнению атеистических авторов, были мерилем их прогрессивности [Кралюк, 1987, 55]. Отталкиваясь от подобного представления о роли церкви в истории Руси, выводилась линия непримиримого противостояния, с одной стороны, культуры простого народа, а с другой – церковного мировоззрения: «Церковно-христианской догматике народ противопоставлял свою духовную культуру, в том числе и её неотъемлемый атрибут – обрядовость» [Брудный, 1985, 29], – писал В. Брудный. Атеистическая интеллигенция в данном противостоянии безусловно занимала позицию защитника простого народа и его культуры. Поскольку, согласно атеистическому взгляду на отечественную историю, «именно церковь приложила руку к уничтожению самобытного искусства наших предков» и «памятников культуры так называемого языческого периода» [Возняк, 1987, 35], то естественной становилась забота о сохранении уникального культурного наследия народа от дальнейшего разрушительного влияния «хмурой» церковной идеологии.

Убеждённость в том, что народная культура имела «антиклерикальную атеистическую направленность» [Брудный, 1985, 31], придавала дополнительную нравственную силу идее защиты народной культуры. По сути, исходя из одного факта противостояния «официальной церкви», нравственно положительным считалось то, что ближе к народной стихии. Естественно, атеистическая интеллигенция здесь выступала в роли защитника «широких народных масс», искусство которых претерпело «постоянные гонения» со стороны «официальной религиозной идеологии». Характерным является и противопоставление «творческого гения украинского народа», выраженного в произведениях народных мастеров, и «прокрустова ложа религиозной идеологии» [Хмілювський, 1989, 44]. Важным для учёных-атеистов было и то, что, по их мнению, народное искусство, в отличие от профессионального церковного, «устремлённостью на разрешение реальных проблем общественного бытия» утверждало «здоровое основание народного духа, неприятие им мистических религиозных спекуляций» [Хмілювський, 1989, 47]. Вполне возможно, что в попытках показать «бурное слияние элементов “языческой” и христианской (византийской) культур» и «переплавку их в новейшие восточнославянские формы» [Возняк, 1987, 36] атеистическая интеллигенция стремилась обосновать свои права на тысячелетнюю историческую традицию, через идею изначально присущей «народной стихии» показать связь атеистов с христианским наследием предков.

Борьба с церковным мировоззрением, как чуждым истинной любви к простому народу, предполагала и заботу о восстановлении исторической правды о роли народных масс в общественной жизни. В этом смысле утверждалось, что попытки церковных деятелей показать, что исторические личности действовали «под непосредственным влиянием божественного провидения или церковно-политических иерархов» принижают «роль народных масс и выдающихся деятелей» [Белов, Зоц, 1987, 53].

Важным аспектом реализации атеистической интеллигенцией своей миссии защитника народных масс было убеждение о донесении исторической правды, которую целенаправленно фальсифицируют церковники. Священнослужители, в представлении атеистов, «не пренебрегают перекручиванием фактов, свободно интерпретируют события прошлого» [Фартушний, 1987, 30]. Борьба с разного рода церковными традициями и «культами» также обосновывалась нетерпимостью к «фальсификациям духовенства», искажением исторических реалий [Петрів, 1986, 46], недопустимой подменой политической истории делами «божьего провидения» [Ульяновський, 1987, 42].

Кроме «фальсификаций» вызывало негодование у атеистических авторов и преднамеренное умолчание, частичное сокрытие исторической правды со стороны церкви: «Вопреки исторической правде идеологи православия изображают святых народными заступниками, поборниками социальной справедливости и благочестия, в то же время умалчивая их реакционную социально-политическую деятельность» [Белов, Зоц, 1987, 53], – писали А. Белов и В. Зоц. Пытались защитить атеисты простой народ и от «вредного влияния» устаревших традиций и обрядов, связанных с церковными праздниками, которые «отвлекали от производства или неправильно ориентировали человека в реалиях окружающей действительности» [Белов, Зоц, 1987, 50].

Наконец, не менее важным для понимания пафоса защиты простого народа от религиозного влияния, который был характерен для ценностной системы позднесоветского атеизма, является осознание того факта, что украинская советская интеллигенция второй половины 1980-х годов в целом воспринимала религию исключительно как идеологический инструмент, часть политической системы. При этом её личностным измерением практически полностью пренебрегали. Следовательно, вопрос о религии был вопросом прежде всего идеологической безопасности общества, а не личным делом индивида. В связи с этим религиозно-просветительские программы вызывали особую обеспокоенность. Авторы указывали, что они «выходят далеко за пределы исключительно теологического, “евангелизаторского” содержания и направления» [Яроцький, 1986, 31]. К примеру, В. Суярко в публикации «Ставка на “молодёжную” религию и церковь» проводил прямую параллель между вовлечением молодёжи в религиозную деятельность и распространением деструктивных культов и религиозных течений, приводя в пример ситуацию в США, где «каждую неделю появляется новая оккультная секта» [Суярко, 1986, 51]. К внешнему фактору агрессивного империализма автор апеллировал с целью более рельефной демонстрации обеспокоенности судьбой подрастающих поколений, поэтому статью пронизывает пафос заботы интеллигента о будущем граждан. Нередко отторжение религиозного мировоззрения было связано и с тем, что «эту точку зрения охотно поддерживают и распространяют наши идеологические противники на Западе» [Возняк, 1987, 35]. Таким образом, в представлении украинской позднесоветской интеллигенции идея защиты народа, его духовной культуры, ценностей светского общества восполнялась и заботой о сохранении своего «цивилизационного кода» перед лицом внешней культурно-идеологической экспансии.

Профессионализм и религия

Если рассматривать феномен позднесоветского атеизма как продукт определённой эпохи, то необходимо указать на ещё один важный мировоззренческий аспект, связанный с устоявшейся традицией противопоставлять материалистические взгляды как истинно научные собственно религиозному мировосприятию – как иллюзорному, искажённому отображению действительности. Следствием воспитания поколений учёных в подобном идеологическом фарватере стало формирование особой профессиональной этики, согласно которой честная объективная наука, как, собственно, и научный профессионализм, однозначно связывались с материалистическим мировоззрением. Советский учёный второй половины 1980-х годов уже не выступал в роли воинствующего пропагандиста атеизма. Однако профессиональная этика, сложившаяся культура научной работы подталкивала его к оппозиции по отношению к религиозному мировоззрению. Главной задачей профессиональных учёных теперь была не апология атеизма, а защита исторической истины в том виде, в

котором они её понимали в силу своей принадлежности к атеистической традиции. Авторы-профессионалы не уклонялись в обвинения о целенаправленных идеологических искажениях, но пытались проследить «естественную историю» зарождения тех или иных легенд, традиций, без заведомого обвинения кого-либо в идеологической диверсии. Учёный атеист вполне спокойно мог признавать, что «было бы неправомерно отрицать исторические факты положительного влияния некоторых церковных центров, как-то монастыри, а также отдельных священнослужителей на развитие культуры» [Возняк, 1987, 34]. Однако отсутствие заострённой полемичности не означало принятие религиозного прочтения истории. Речь шла скорее о спокойном изложении с атеистических позиций. Характерной при этом была достаточно частая апелляция авторов к термину «профессионализм» [Котляр, 1988, 22].

Религиозное мировоззрение зачастую ассоциировалось с недопустимой для профессионалов односторонностью. С церковным миропониманием дискутировали, «поскольку оно крайне тенденциозное и совсем не соотносится с действительности» [Фартушный, 1987, 31]. «Признавая благотворное влияние христианской цивилизации на культуру Древней Руси, нельзя в то же время согласиться с упрощённым и прямолинейным подходом к истории, когда её пытаются делить на дохристианскую “тьму” и христианский “свет”» [Толочко, Устюжаніна, 1988, 31], – говорил П. Толочко. Атеистические авторы называли характерной для «клерикально-богословских фальсификаций» попытку «полностью отрицать какое-бы-то ни было культурное развитие Руси в дохристианский период». Поэтому профессиональный долг вынуждал учёных-атеистов противостоять «попыткам богословско-клерикальной литературы чрезмерно преподносить роль православия в развитии культуры Руси» [Возняк, 1987, 35]. Характерным для украинской позднесоветской научной интеллигенции можно считать и противопоставление «некорректного отношения некоторых церковных деятелей к истории» и «громадных усилий отечественных учёных», благодаря которым «собран богатый материал, который разносторонне характеризует жизнь в Киевской Руси и до, и после введения христианства» [Фартушный, 1987, 33]. Научный атеизм как система корректного поиска и верификации истины в этом смысле противопоставлялся религиозному догматизму: «Мы за атеизм принципиальный и чёткий, но против атеистического снобизма, за атеизм последовательный и научно обоснованный, но не догматический и узкий, за атеизм активный, но не назойливый и бесцеремонный. Мы – за научный атеизм» [Танчер, 1988, 6].

В то же время следует признать, что даже в контексте профессионального отношения к науке во второй половине 1980-х годов намечаются некоторые тенденции для примирения атеистов с верующими. Здесь можно отметить факт принятия церковного прочтения истории как взгляда, который имеет право на существование и не предлагает преднамеренного искажения действительности, но раскрывает «церковный аспект» понимания той или иной проблемы. В данном контексте научно-материалистическое прочтение истории предполагало не противостояние церковному, а расширение анализа, раскрытие других сторон и аспектов исторических явлений, позволяющее «в полной мере» оценить события прошлого [Толочко, Устюжаніна, 1988, 30].

Научный атеизм как «духовная ценность»

Для украинских учёных-атеистов второй половины 1980-х годов «вульгарный атеизм» с его пропагандистской риторикой был нравственно и профессионально недопустимым явлением, пережитком прошлого. В противовес ему научный атеизм воспринимался как «громадная духовная ценность, веками выстраданная человечеством» [Танчер, 1988, 6]. Представлялось, что декрет об отделении церкви от государства «на деле реализовывал многовековую борьбу передовых умов человечества за свободу совести». «Именно отделение церкви от государства лишало церковь права и возможностей навязывать религиозные убеждения принудительными методами, ставило все церкви и группы верующих всех конфессий в равное положение, без привилегий Русской православной церкви и ограничений представителей неправославных церквей» [Дремлюга, 1989, 7]. Кроме освобождения от религиозного гнёта, декрет, в представлении атеистов, препятствовал церкви «вмешиваться в дела государства, навязывать гражданам вопреки их воле свою социально-политическую доктрину» [Сленський, 1988, 13].

В широком смысле «решение религиозного вопроса» мыслилось как «путь к духовной свободе», который «обуславливается также и гуманистическим подходом к проблеме свободы совести» [Танчер, 1988, 2]. Освобождение от религиозных предрассудков для позднесоветской интеллигенции было не столько борьбой с церковью, сколько борьбой за свободу от порабощения человеческого духа религиозной идеологией. Признавая «перегибы» административно-командной государственной системы в атеистической пропаганде, интеллигенты говорили о необходимости возвращения к её гуманистическому началу: «Стремление свести атеизм к культурно-просветительской или – ещё хуже – к исключительно естественно-научной пропаганде принесло большой ущерб нашей атеистической работе, потому что в ней терялось главное – гуманистическое её содержание» [Танчер, 1988, 4].

Интересны размышления в то время академика АН УССР В. Шинкарука о соотношении духовной культуры и религии. Ученый указывал, что «антикоммунизм одолжил и принял на вооружение старую реакционную теологическую идею: будто бы без религии невозможный прогресс человечества; только религия, вера в бога, якобы, являются духовной опорой нравственности, атеизм же “аморальный” – тем, что лишает личность и общество этой опоры» [Шинкарук, 1985, 13]. И поскольку этические феномены коренятся в «самой общественной природе человеческого сознания, человеческих чувств и приверженностей, форм и способов их удовлетворения», то, по мысли автора, именно научный атеизм является истинным стражем и опорой нравственности в обществе [Шинкарук, 1985, 15]. В связи с таким пониманием ценностного измерения атеизма, убеждением в его глубоко гуманистическом содержании, становится понятным, почему нередко в работах позднесоветских атеистов именно апелляция к нравственной ущербности тех или иных поступков «церковников» становилась едва ли не главным аргументом в полемике с церковью [Чертков, 1987, 30].

Мессианская идея

Свой вклад в формирование этоса позднесоветского научного атеизма на Украине внесли особенности исторического периода. С перестройкой связывались большие надежды на изменения в обществе: «Наше время выдвинуло беспрецедентные по новизне и масштабности задачи, которые должны быть развязанные в сжатые исторические сроки» [Сришев, 1988, 6]. При этом для украинской советской интеллигенции, которая мыслила себя хранительницей «громальной духовной ценности» – научного атеизма, вопрос о роли в назревавших переменах был чрезвычайно актуален. Между строк видна спешка, призыв к тому, чтобы не медлить, а действовать прямо сейчас: «Теперь у нас нет в запасе тех десятков тысяч поколений... Нам опущено слишком мало времени... Наступил тот грозный рубежный период...» [Сришев, 1989а, 25].

Пафос особой ответственности пронизывал практически все публикации философов на злободневные темы: «Вопрос стоит так: наступило время практических дел, возрастающей ответственности каждого» [Сришев, 1989б, 54]; «Время для этого пришло, его было вдоволь – перестройку должны делать мы с вами» [Петренко, 1989, 7].

Если проанализировать такой тон публикаций в общем контексте развития идейной и общественно-политической ситуации на Украине во второй половине 1980-х годов и в контексте всего сказанного выше, то становится очевидным, что научная атеистическая интеллигенция во многом мыслила себя в качестве «духовных» лидеров, которые несут особую ответственность за сохранение цивилизационного облика общества. Вполне обоснованно можно сказать, что украинские апологеты позднесоветского научного атеизма были носителями особого представления о своей «мессианской» роли для страны в тот исторический период.

Заключение

Проанализированные материалы позволяют сделать вывод, что украинский позднесоветский научный атеизм представлял собой сложный культурный феномен и мыслился его защитниками, прежде всего, как универсальная «духовная ценность». Важно подчеркнуть, что этос атеизма второй половины 1980-х годов на Украине складывался в рамках устоявшейся традиции, профессиональной корпора-

тивной этики учёных-атеистов. Среди главных нравственных стержней системы научного атеизма особо выделяется пафос защиты народа как от идеологического, духовного порабощения, так и от попыток подорвать добытые тяжёлым трудом и даже кровью народа культурные и общественные устои. Научному атеизму придавалось глубокое гуманистическое содержание. Он представлялся в качестве единственно возможной в условиях развития современной науки опоры нравственности. В условиях беспрецедентных общественных трансформаций, такое понимание сущности научного атеизма как универсальной «духовной ценности» подталкивало его апологетов к мысли об особой ответственности за судьбу страны, способствовало формированию представлений о своей уникальной «мессианской роли».

Библиографический список

1. Колмакова, М.В. Направления исследований религиозного сектантства в трудах советских учёных 60–80-х гг. XX в.: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.14 / М.В. Колмакова. – СПб., 2017. – 229 с.
2. Колодный, А.Н. Религиоведение Украины в советское время / А.Н. Колодный, Л.А. Филипович, П.Л. Яроцкий // Вопросы религии и религиоведения. Религиоведение Украины. Часть I: Феномен советского религиоведения: украинский контекст / Колект. работа. Под ред. А. Колодного, Л. Филипович, В. Шмидта и П. Яроцкого. – М., 2010. – С. 9–21.
3. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX - начала XXI в.: коллективная монография / К.М. Антонов [и др.]; [науч. ред.: К. М. Антонов, С. А. Воронцов]; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. 2-е изд. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 263 с.
4. Смолкин, В. Святое место пусто не бывает. История советского атеизма / В. Смолкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.
5. Элбакян, Е.С. Феномен советского религиоведения / Е.С. Элбакян // Религиоведение. – 2011. – № 3. – С. 141–162.
6. Белов, А. Культ святых у богослужбовій практиці сучасного православ'я / А. Белов, В. Зоц // Людина і світ. – 1987. – № 9. – С. 48–53.
7. Бокоч, В.М. Взаємозв'язок суспільно-політичних і релігійно-церковних трансформацій. Дисертація... доктора політичних наук: 23.00.02 / В.М. Бокоч. – Одеса, 2021. – 455 с.
8. Брудний, В. Глибинне народне коріння. Стихійно-матеріалістичні, антиклерикальні ідеї в обрядовості X – XIX століть / В. Брудний // Людина і світ. – 1985. – № 11. – С. 28–32.
9. Возняк, Н. Церква і культура / Н. Возняк // Людина і світ. – 1987. – № 10. – С. 34–39.
10. Дремлюга, М. Вчимося демократії / М. Дремлюга // Людина і світ. – 1989. – № 11. – С. 7–8.
11. Єленський, В. «Радянська влада відокремлює церкву від держави...» / В. Єленський // Людина і світ. – 1988. – № 1. – С. 10–13.
12. Єришев, А. Гуманізм і моральне оновлення суспільства / А. Єришев // Людина і світ. – 1989. – № 11. – С. 24–28.
13. Єришев, А. Карл Маркс і пріоритети сучасного атеїзму / А. Єришев // Людина і світ. – 1988. – № 5. – С. 2–7.
14. Єришев, А. Релігія і сучасність / А. Єришев // Людина і світ. – 1989. – № 2. – С. 52–55.
15. Кисельов, О. Монографія «Культура. Релігія. Атеїзм» як документ часів перебудови / О. Кисельов // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник. – 2016. – № 2–3. – С. 43–50.
16. Колодный, А. Актуальні проблеми української релігієзнавчої науки. До 25-тиліття Відділення релігієзнавства ІФ НАНУ / А. Колодный // Українське релігієзнавство. – 2015. – № 76. – С. 5–13.
17. Котляр, М. Літописні легенди про «хрещення Русі» та історична дійсність / М. Котляр // Людина і світ. – 1988. – № 5. – С. 22–27.
18. Кралюк, П. Перший український полеміст / П. Кралюк // Людина і світ. – 1987. – № 9. – С. 54–55.
19. Кралюк, П. У тіні церковних склепінь / П. Кралюк // Людина і світ. – 1985. – № 11. – С. 32–34.
20. Панич, О. Науковий атеїзм як культурна система / О. Панич // Українське релігієзнавство. – 2015. – № 76. – С. 21–35.
21. Петренко, М. Говорити й писати правду / М. Петренко // Людина і світ. – 1989. – № 5. – С. 2–7.
22. Петрів, І. Культ Богородиці / І. Петрів // Людина і світ. – 1986. – № 10. – С. 46–52.

23. Поліський Сократ (до 65-річного ювілею професора П. Ю. Сауха): науково-популярне видання / Укладачі: Л.В. Горохова, В.М. Заглада, М.А. Козловець, О.І. Свінцицька, В.М. Слюсар. – Житомир: Вид. Євенок О. О., 2015. – 80 с.
24. Суярко, В. Ставка на «молодіжну» релігію і церкву / В. Суярко // Людина і світ. – 1986. – № 12. – С. 51–54.
25. Танчер, В. Шлях до духовної свободи / В. Танчер // Людина і світ. – 1988. – № 2. – С. 2–7.
26. Танчер, В. Як буржуазні націоналісти і клерикали перекручують сутність національної культури / В. Танчер // Людина і світ. – 1985. – № 7. – С. 21–26.
27. Толочко, П. В чому увічнить себе душа / П. Толочко, О. Устюжаніна // Людина і світ. – 1988. – № 1. – С. 28–34.
28. Ульяновський, В. «І знехотя рукопоклон Росії патріарха». Заснування патріархату: правда і вигадки / В. Ульяновський // Людина і світ. – 1987. – № 6. – С. 39–42.
29. Фартушний, М. Чому загинули Борис та Гліб / М. Фартушний // Людина і світ. – 1987. – № 8. – С. 30–33.
30. Хмільовський, М. Священний догмат і художній образ. Пам'ятки народного культового мистецтва у Львівському музеї історії релігії та атеїзму / М. Хмільовський // Людина і світ. – 1989. – № 3. – С. 44–47.
31. Чертков, О. Церква і революція / О. Чертков // Людина і світ. – 1987. – № 11. – С. 29–32.
32. Шинкарук, В. Історія духовної культури і релігія / В. Шинкарук // Людина і світ. – 1985. – № 6. – С. 13–20.
33. Яроцький, П. Апостоли папського престолу чи слов'янські просвітителі? / П. Яроцький // Людина і світ. – 1986. – № 11. – С. 34–39; № 12. – С. 30–36.

Текст поступил в редакцию 30.01.2023.

Принят к печати 03.04.2023.

Опубликован 29.06.2023.

References

1. Antonov K. M. et al. “*Nauka o religii*”, “*Nauchnyi ateizm*”, “*Religiovedenie*”: *aktual'nye problemy nauchnogo izucheniiia religii v Rossii XX – nachala XXI v.: kollektivnaia monografiia* [“Science of Religion”, “Scientific atheism”, “Religious Studies”: actual problems of scientific study of religion in Russia of the 20th – beginning of the 21st century: collective monograph]. Moscow: PSTGU Publ., 2015, 263 p. (in Russian).
2. Bjelov A., Zoc V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 9, pp. 48–53 (in Ukrainian).
3. Bokoch V.M. *Vzajemozv'jazok suspil'no-politychnyh i religijno-cerkovnyh transformacij. Diss. doct. politic. nauk* [Interrelation of socio-political and religious-ecclesiastical transformations. D.Sc. Thesis in Political Sciences]. Odesa, 2021, 455 p. (in Ukrainian).
4. Brudnyj V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1985, no. 11, pp. 28–32 (in Ukrainian).
5. Chertkov O. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 11, pp. 29–32 (in Ukrainian).
6. Dremljuga M. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1989, no. 11, pp. 7–8 (in Ukrainian).
7. Elbakian E.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 3, pp. 141–162 (in Russian).
8. Fartushnyj M. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 8, pp. 30–33 (in Ukrainian).
9. Hmil'ovs'kyj M. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1989, no. 3, pp. 44–47 (in Ukrainian).
10. Jaroc'kyj P. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1986, no. 11, pp. 34–39; no. 12, pp. 30–36 (in Ukrainian).
11. Jelens'kyj V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1988, no. 1, pp. 10–13 (in Ukrainian).
12. Jeryshev A. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1989, no. 11, pp. 24–28 (in Ukrainian).
13. Jeryshev A. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1988, no. 5, pp. 2–7 (in Ukrainian).
14. Jeryshev A. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1989, no. 2, pp. 52–55 (in Ukrainian).
15. Kolmakova M.V. (2017) *Napravleniia issledovaniu religioznogo sektantstva v trudakh sovetskikh uchenykh 60–80-tykh gg. XX v. Diss. kand. philos. nauk* [Directions of research of religious sectarianism in the works of soviet scientists of the 60–80s. of the 20th century. Ph.D. Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2017, 229 p. (in Russian).
16. Kolodnyi A.N., Filipovich L.A., Iarotskii P.L. (eds.). *Voprosy religii i religiovedeniia. Religiovedenie Ukrainy. Chast' I: Fenomen sovetskogo religiovedeniia: ukrainskii kontekst* [Questions of religion and religious studies. Religious studies of Ukraine. Part I: The Phenomenon of Soviet Religious Studies: the Ukrainian Context]. Moscow, 2010, pp. 9–21 (in Russian).
17. Kolodnyj A. *Ukrai'ns'ke religijeznavstvo* [Ukrainian religious studies]. 2015, no. 76, pp. 5–13 (in Ukrainian).
18. Kotljars M. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1988, no. 5, pp. 22–27 (in Ukrainian).
19. Kraljuk P. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 9, pp. 54–55 (in Ukrainian).
20. Kraljuk P. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1985, no. 11, pp. 32–34 (in Ukrainian).

21. Kysel'ov O. *Istorija religij v Ukrai'ni: Naukovyj shhorichnyk* [History of religions in Ukraine: scientific yearbook]. 2016, no. 2–3, pp. 43–50 (in Ukrainian).
22. Panych O. *Ukrai'ns'ke religijeznavstvo* [Ukrainian religious studies]. 2015, no. 76, pp. 21–35 (in Ukrainian).
23. Petrenko M. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1989, no. 5, pp. 2–7 (in Ukrainian).
24. Petriv I. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1986, no. 10, pp. 46–52 (in Ukrainian).
25. *Polis'kyj Sokrat (do 65-richnogo juvileju profesora P.Ju. Sauha): naukovo-populjarne vydannja* [Polesky Socrates (dedicated to the 65th anniversary of Professor P.Yu. Saukh): A popular science publication]. L.V. Gorokhova et al. Zhytomyr: Evenok O.O. Publ., 2015, 80 p. (in Ukrainian).
26. Shynkaruk V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1985, no. 6, pp. 13–20 (in Ukrainian).
27. Smolkin V. *Sviato mesto pusto ne byvaet. Istoriiia sovetskogo ateizma* [The holy place is never empty. History of Soviet Atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, 552 p. (in Russian).
28. Sujarko V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1986, no. 12, pp. 51–54 (in Ukrainian).
29. Tancher V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1985, no. 7, pp. 21–26 (in Ukrainian).
30. Tancher V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1988, no. 2, pp. 2–7 (in Ukrainian).
31. Tolochko P., Ustjuzhanina O. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1988, no. 1, pp. 28–34 (in Ukrainian).
32. Ul'janovs'kyj V. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 6, pp. 39–42 (in Ukrainian).
33. Voznjak N. *Man and the world* [Ljudyna i svit]. 1987, no. 10, pp. 34–39 (in Ukrainian).

Submitted for publication: January 30, 2023.

Accepted for publication: April 03, 2023.

Published: June 29, 2023.